

DOI: 10.15643/libartrus-2022.1.3

Особенности синтаксической организации текста романа Е. Водолазкина «Лавр»

© А. А. Элатик

Университет Айн Шамс

Египет, 11566 г. Каир, улица Халифаа Маомун, площадь Аббасия.

Email: ahmed_atik@alsun.asu.edu.eg

Статья посвящена исследованию синтаксического строя романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» и выявлению роли синтаксической организации текста как элемента достижения автором его художественного замысла. Выявлено, что синтаксический строй романа тесно связан с концепцией времени, выстроенной в произведении писателем. Е. Г. Водолазкин использует прием смещения временных пластов, и синтаксическая организация текста является одним из инструментов, с помощью которых данный прием реализуется. Если повествование идет в древнерусском временном пласте, то для синтаксиса характерна простота, предложения короткие, простые или двухкомпонентные сложные, основные средства связи предложений в тексте – личные и притяжательные местоимения и сочинительные союзы. Пунктуационно-графическое оформление также соответствует замыслу автора: диалог и прямая речь не выделяются в тексте, практически не используются восклицательные и вопросительные знаки, кавычки. Если происходит смещение временных пластов, то синтаксис и пунктуационно-графическое оформление текста трансформируются: становятся современными или приближенными к современным. Кроме того, синтаксическая организация в тексте романа «Лавр» имеет значение для реализации в нем категории экспрессивности. Применяемые автором синтаксические и пунктуационно-графические приемы служат внешнему снижению экспрессии, ее намеренному «смирению» или «умалению», однако она переходит во внутренний план. Автор добивается противоположного эффекта: текст начинает звучать более экспрессивно. Большая роль в восприятии такого текста отводится читателю, самостоятельность, а значит, и осознанность восприятия которого повышаются. Делается вывод о новаторском характере синтаксического строя романа «Лавр» и о его значимой роли как средства достижения автором его художественного замысла.

Ключевые слова: синтаксис, синтаксическая организация, экспрессивный синтаксис, парцелляция, диалог, прямая речь, роман «Лавр», Евгений Водолазкин.

Евгений Германович Водолазкин (род. в 1964 г.) – один из самых ярких писателей в современной русской литературе. Литературовед, доктор филологических наук, специалист по древнерусской литературе, Е. Г. Водолазкин вошел в литературу достаточно поздно: роман «Лавр», прославивший его, был опубликован в 2012 г., когда автору уже исполнилось 48 лет. В 2013 г. роман стал лауреатом сразу двух книжных премий: «Ясная Поляна» в номинации «XXI век» и «Большая книга». Британская газета The Guardian внесла роман «Лавр», жанр которого можно обозначить как роман-житие, в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге.

Несомненно, роман «Лавр» стал событием в русской литературе, постоянно обсуждаемым и вызывающим споры вот уже в течение девяти лет. К его исследованию обратились литературоведы, в поле внимания которых попали жанровое своеобразие романа [15], художественное

время в нем [6], наиболее важные образы, созданные автором, например, образ юродивого [9], построенная автором мифопоэтическая картина мира [1] и другие вопросы. Для языковедов важным стало осмыслить лингвистические особенности романа, выделяющие его на фоне других произведений современной русской литературы, определяющие его своеобразие. В связи с этим подвергаются анализу ономастическое пространство романа [10], медицинская [18], топонимическая [11] и фитонимическая [17] лексика в нем, использование автором архаических языковых элементов [19], средства визуализации образов [16], многочисленные и порой неожиданные интертекстуальные элементы, введенные в текст автором [7], смешение писателем разностилевых элементов языка, выступающее как средство характеристики персонажа [8], некоторые концепты и средства их вербализации [14] и другие языковые и стилистические особенности. Несомненно, язык романа привлекает и удивляет в первую очередь лексическим своеобразием, на которое влияют «аллюзивность, пересечение временных планов, языковые вкрапления из современной эпохи, игровые формы взаимодействия автора с читателями» [2, с. 252], поэтому синтаксические особенности романа становятся предметом исследования гораздо реже. Труды такого плана единичны: к примеру, И. В. Кузнецов и Н. В. Максимова рассматривают оригинальную подачу писателем в романе чужой речи [13]. В целом же синтаксис романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» пока остается недостаточно исследованным.

Целью настоящего исследования стал анализ синтаксических особенностей романа Е. Г. Водолазкина «Лавр», выявление черт, характеризующих синтаксический строй данного произведения, и анализ синтаксиса романа как элемента достижения автором его художественного замысла.

Конечно, в строе текста важна каждая его единица, относящаяся к любому из уровней языка. Первой внимание лингвиста притягивает лексика, особенно в том случае, когда она, как в романе «Лавр», необычна, оригинальна, служит иллюстрацией и одновременно средством временных смешений и смещений в тексте романа, а также признаком его постмодернистской сути. Однако единицы других языковых уровней не менее важны, пусть их система и их роль в тексте не столь наглядны, как у лексики. Об этом пишет М. Н. Крылова: «...Синтаксис является организующей силой текста, завершающей его построение, именно синтаксис формирует лексические единицы в те комбинации, которые достигают или не достигают своих коммуникативных целей» [12, с. 146]. Значимость синтаксического строя произведения для реализации художественных целей автора, неслучайность выбора писателем тех или иных синтаксических конструкций отмечают многие исследователи: Дж. А. Ассади, М. Хамад [20], Г. Н. Гумовская [4] и др.

Первое, что видит исследователь, рассматривающий строй романа «Лавр», – синтаксис произведения характеризуется простотой. Предложения достаточно короткие, и если автор видит возможность разделить высказывание на несколько отдельных, чаще всего простых предложений, то он это делает. Например: *«Это было его первое обращение к Устине после ее смерти, и он испытывал трепет. Арсений не просил у нее прощения, потому что не считал себя вправе быть прощенным. Он просто просил ее об участии в важном деле и надеялся, что она не откажет. Но Устина молчала. В ее молчании он почувствовал сомнение»* [3, с. 120]. К языковым элементам, с помощью которых осуществляется связность текста, у Е. Г. Водолазкина в первую очередь относятся личные и притяжательные местоимения: *он, она, ее* и др., а также сочинительные союзы: *и, но* и др. Структура текста в итоге получается предельно простой, прозрачной,

незамысловатой и, как следствие, легкой для восприятия. Предложения в тексте либо простые, либо сложные, состоящие чаще всего из двух предикативных частей.

Такой синтаксис, как нам представляется, служит стилизации древнерусского языка. Стилизация происходит и на фактическом уровне (имитируются структуры короткого простого или сложного предложения), и на идейном (реализуется идея «детства литературы», согласно которой создается синтаксис, свойственной речи ребенка, подростка, человека, познающего язык, только открывающего все его глубины и возможности).

Кроме того, короткие и преимущественно простые предложения имитируют устную речь повествователя. Хотя рассказ ведется от третьего лица, повествователь – это сам Арсений (Устин, Амвросий, Лавр), глазами которого читатели видят все происходящее и словами которого обо всем происходящем рассказывается. В начале предложений, как это бывает в устной разговорной речи, могут располагаться союзы: *«Но эта узкая лента была уже розовой, из чего стало ясно, что спускается ночь и последняя полоска неба исчезнет. И Арсений снова закричал, потому что наступающий всеобщий мрак нес с собой безнадежность»* [3, с. 335].

Синтаксический строй романа «Лавр» одновременно является стилизованным и под древнерусский текст, и под непосредственную устную речь, с ее разговорной интонацией и синтаксической простотой.

Двучастность сложных предложений, использованных писателем, часто становится систематичной: целый ряд расположенных рядом в повествовательных фрагментах текста предложений являются сложными, состоящими из двух частей. Например: *«Дорогие снадобья Арсений раздавал тем, у кого не было возможности их купить. Дороже всего стоили лекарственные средства, которые привозились из иных стран. Были среди них и такие, о каких Арсений только слышал от Христофора или читал в немецком лечебнике»* [3, с. 148]. Схожая структура соседних предложений способствует созданию текста, произносимого с ровной интонацией, словно древняя книга с описаниями болезней и рецептами лекарств, читаемая самим героем романа.

Говоря о стилизации синтаксического строя древнерусского языка, мы оцениваем те фрагменты текста романа, которые не написаны на древнерусском языке, а выглядят вполне по-современному. Естественно, вводя в текст фрагменты на древнерусском языке (напомним, что Е. Г. Водолазкин является специалистом по древнерусской филологии), автор полностью воссоздавал и соответствующий синтаксис. Например: *«И аще кто в болезнь впадет, есть от харадра разумети, жив будет или умрет. Да аще будет ему умрети, отвратит лице свое харадр, аще ли будет ему живу быти, то харадр, веселуясь, взлетит на воздух противу солнца»* [3, с. 31]. Фрагменты, подобные данному, мы не анализировали.

В любом случае основную особенность синтаксического строя романа «Лавр» Е. Г. Водолазкина можно оценить как нарочитую простоту, стилизованную под древнерусский текст (и/или устную разговорную речь). Например: *«Через непродолжительное время раздался удары в дверь. Арсений видел, как она тряслась. Он чувствовал сожаление, что не успел умереть до этого стука»* [3, с. 107]. Эта простота привносит в текст ясность и в то же время делает его необычным, привлекает внимание. Ведь читатель знаком с обычными для художественной литературы синтаксическими конструкциями, его типичным, средним уровнем сложности, и он испытывает определенные синтаксические ожидания, приступая к чтению современного романа. Простота одновременно притягивает и озадачивает читателя, но не оставляет его равнодушным.

Смещение временного плана повествования, о котором говорят многие исследователи [6, 19], влечет за собой изменения не только в лексике, но и в синтаксисе. Синтаксис живо откликается на темпоральные трансформации текста, которые в течение всего повествования принимает автор.

Такие «вторжения» обычно неожиданны. Например, в повествование о жизни средневекового села вводится аллюзия на текст вполне современного учебника по математике: *«Передвижение из пункта А в пункт Б, сокрушались в слободке, не представляется возможным или сильно осложнено»* [3, с. 115]. В данном предложении использована не только необычная лексика (*из пункта А в пункт Б*), но и неожиданные, современные формы сказуемых (*не представляется возможным или сильно осложнено*), характерные для книжного стиля. В другом примере современная лексика вводится в рассказ о средневековом путешествии: *«Не огорчил даже тот очевидный факт, что из города его вывел не ангел – о чем, по правде говоря, мечталось»* [3, с. 159], и вслед за необычными словами (*очевидный факт*) идут синтаксические изменения: предложение сложное, состоит из трех частей, третья часть представляет собой присоединительное придаточное, выделенное с помощью знака препинания тире, которым писатель обычно пренебрегает.

Временные смещения встречаются в речи героя-повествователя, который в некоторые моменты повествования словно переносится в иное время и начинает говорить, как современный человек. При этом трансформируется и синтаксис. Например, у Гроба господня в Иерусалиме герой произносит длинную молитву, в которой есть и предложения, подобные следующему: *«Знаешь, я ведь постоянно разговариваю с Устиной, рассказываю ей о том, что творится в мире, о своих впечатлениях, чтобы в любой момент она была, что называется, в курсе происходящего»* [3, с. 360]. Автор, как видим, выходит здесь за границы средневековой стилистики и использует не только современный канцелярит (*чтобы в любой момент она была, что называется, в курсе происходящего*), но и современный синтаксис: предложение сложное, состоящее из нескольких частей, осложненное вводным оборотом (*что называется*), однородными членами и т. п. Его пунктуация полностью соответствует современным правилам.

Наиболее яркий и ставший уже хрестоматийным пример такого типа – это упоминание автором о пластиковых бутылках под ногами прогуливающих в средневековом лесу Арсения и Устины. Приведем это предложение, на которое обратили внимание уже, кажется, все исследователи романа «Лавр»: *«Из-под снега ползла вся лесная неопрятность – прошлогодние листья, потерявшие цвет обрывки тряпок и потускневшие пластиковые бутылки»* [3, с. 82]. Это первый фрагмент романа, где читатель неожиданно наблюдает «сюрприз» из иного времени, поэтому за данное предложение обязательно «запинается», воспринимая текст, и читатель, и филолог, и критик. Как видим, в предложении трансформировались не только содержание, что проявилось посредством лексики (*пластиковые бутылки*), но и синтаксическое и пунктуационное оформление: автор использует тире, вводит в текст причастный оборот, количество которых у него в целом невелико, и однородные члены. Синтаксис предложения вполне современен, он утрачивает характерную «древнерусскую» простоту.

Временные смещения могут быть и «объявленными», соответствующими сюжету и содержанию романа. Например, в «Книге покоя» автор переносит повествование в 1907 г., и в нем вполне ожидаемы лексика и синтаксис, характерные для этого времени. Это ожидание частично оправдывается: в тексте, к примеру, появляются знаки препинания, отсутствующие в

«древнерусской» части романа. Однако и здесь автор смещает временной план, вводя в текст лексику гораздо более позднего времени и иной стилистической окраски. Например: «*В сущности, об Амброджо Флеккиа у нас до сих пор очень мало фактического материала*» [3, с. 391]. Наряду с лексическим элементом научного стиля (*фактического материала*) и морфологической особенностью (мы-научное: *у нас*) видим синтаксический (вводное слово *в сущности*).

Перенеся повествование в иное время, которое можно назвать современным, которое близко читателю, Е. Г. Водолазкин начинает писать по-современному, и его предложения неожиданно становятся длинными и осложненными. Например, в «Книге Пути» повествование переносится в 1977 г. (это еще одно из видений Амброджо), и читатель находит предложения, подобные следующему: «*Что делает она здесь, в русской провинции, среди вросших в землю подслеповатых окон, старых автомобилей, льняных (с накладными карманами) рубах навыпуск и дождями омытых, посыпанных пылью (ветер едва заметно колышет под ними ковыль) морщинистых и желтолицых обитателей досок почета?*» [3, с. 234]. Не затрагивая лексику (она, естественно, изменилась), коснемся трансформированного синтаксиса: предложение вопросительное (вопросительный знак не опущен, как это часто бывает в тексте), осложненное обособленными уточняющим обстоятельством и согласованным определением, однородными членами, вводными сочетаниями. По сравнению с предложениями «древнерусской» части, оно достаточно длинное. Как видим, синтаксис следует за временными перемещениями и смещениями, служит им, выступает как один из их инструментов.

Даже при перемещении повествования в иное время синтаксические и пунктуационно-графические особенности первого типа (характерные для древнерусской части романа более простые конструкции) и второго (свойственные имитируемому времени более сложные) могут сопоставляться и сталкиваться. Например, при описании одного из прозрений Амброджо автор переносит читателя в 1951 г.: «*На ступенях магазина Русский лен фотографировалась группа из пяти человек. Слева направо: Матвеева Нина Васильевна, Коротченко Аделаида Сергеевна (верхний ряд); Романцова Вера Гавриловна, Мартиросян Мовсес Нерсесович, Скоморохова Нина Петровна (нижний ряд)*» [3, с. 312]. В первом предложении видим отсылку к древнерусскому временному плану: наименование магазина написано без кавычек. Во втором предложении наблюдаем синтаксическое и пунктуационное оформление, полностью соответствующее современной норме и имитирующее стилистику подписи под фотографией в газете.

В синтаксическом строе романа Е. Г. Водолазкина встречаются конструкции экспрессивного синтаксиса. Назовем некоторые из них.

Конструкции с повторами помогают писателю выделить то или иное слово или выражение с тем, чтобы подчеркнуть какую-то мысль. Повтор может сочетаться с другими приемами экспрессивного синтаксиса, например, с умолчанием: «*Сколько же во мне скотского, подумал Арсений. Сколько же*» [3, с. 123]. Анафора наблюдается в построении полного и неполного предложения, причем в неполном чувствуется недосказанность, оборванность. Повторенный элемент словно повисает в воздухе, что привлекает внимание к его семантике – передаче с его помощью значения высокой степени, большого количества.

Парцелляция, чаще других синтаксических фигур встречающаяся в тексте романа, в некоторой степени связана с отмеченной выше стилизацией древнерусского текста с его краткостью и простотой предложений. Эта связь наиболее явна, когда автор просто разбивает двучастное сложное предложение (как уже было сказано, одну из наиболее характерных для него структур) на два простых: «*Всего несколько дней болезни превратили его в бессильную гряду*

мяса. Которая через несколько дней начнет разлагаться» [3, с. 121]. Встречается парцелляция и в других случаях. Например, выделив в самостоятельные предложения однородные сказуемые, писатель показывает расчлененность действий, растянутость их во времени: «Поскользнулся на лестнице. Полз по ней на четвереньках. Соскальзывал и снова полз» [3, с. 335]. Одно из однородных определений, ставшее парцеллятом, может транслировать самую главную в данном фрагменте текста мысль: «А еще без усталости любовался ее глазами, ставшими с беременностью совсем другими. В них появилось что-то влажное, беззащитное. **Напоминавшее Арсению глаза теленка**» [3, с. 79].

Номинативные предложения с однородными членами позволяют Е. Г. Водолазкину приносить в текст динамику и иронию. Например, в сцене, предшествующей исповеди, с помощью такого предложения представлено перечисление священником возможных грехов «средней тяжести»: «Недолжное соблюдение поста, смех до слез, ругань, празднословие, подмигивание, пляски со скomoroxами, обмер и обвес покупателя, кража сена, плевок в лицо, удар ножнами, распускание сплетен, осуждение монаха, чревоугодие, пьянство, подглядывание за купающимися» [3, с. 54]. Использование данной конструкции не только передает мысль о множественности грехов, на которые способен человек, но и вносит иронию по поводу их мнимой значимости. Столь пространственный список, во время чтения которого герои чуть ли не засыпают, показывает и незначительность большей части прегрешений, содержащихся в исповедях, и одинаковость грехов, которые совершают разные люди. Эта мысль подтверждается одной из следующих фраз повествования: «Под утро, когда перешли к личной исповеди, Арсению и Христофору почти уже нечего было добавить» [3].

Рассматривая конструкции экспрессивного синтаксиса, мы должны выяснить, какую роль они играют в тексте романа «Лавр». Служат ли данные конструкции повышению общего экспрессивного строя романа? На данный вопрос мы должны ответить отрицательно. Во-первых, средства синтаксической стилистики встречаются в тексте не очень часто. Во-вторых, это не те конструкции, которые могут значительно повысить эмоциональный градус текста. В романе практически нет риторических вопросов и восклицаний, минимальны повторы и инверсии. В результате применение автором конструкций экспрессивного синтаксиса не нарушает того эффекта «умаления» экспрессии, который создает автор всем синтаксическим строем романа.

Говоря о синтаксической организации романа «Лавр», выше мы не могли не коснуться вопроса о пунктуационном (пунктуационно-графическом) оформлении синтаксических конструкций. Рассмотрим данный вопрос более подробно.

Пунктуацию В. Г. Водолазкина в романе характеризует минимализм, в соответствии с которым в тексте практически нет кавычек, а тире встречается только как знак середины предложения.

Особенно сильно минимализм отразился на оформлении чужой речи: прямая речь и реплики диалога представлены в тексте как обыкновенные абзацы. Например:

В принципе, ответил старец, мне нечего тебе сказать. Разве что: живи, друже, поближе к кладбищу. Ты такой дылда, что нести тебя туда будет тяжело. И вообще: живи один. Так сказал старец Никандр [3, с. 14].

Здесь мы видим типичный пример оформления прямой речи (или реплики диалога). Кавычки (или тире) отсутствуют, слова автора (*ответил старец*) выделяются только запятыми. Авторское пояснение реплики «*Так сказал старец Никандр*» не помещено в отдельный абзац.

Схожим образом маркируются диалоги. Например:

Однажды она спросила:

Ты возьмешь меня в жены?

Ты – жена моя, которую люблю больше жизни.

Я хочу быть твоею, Арсение, перед Богом и людьми.

Потерпи, любовь моя. Он поцеловал ее в ямку над ключицей. Ты будешь моею перед Богом и людьми. Только потерпи немного, любовь моя [3, с. 81].

В данном примере мы видим четыре реплики диалога, оформленные как обычные абзацы. Такое графическое представление прямой речи и диалогов, конечно, привлекает внимание читателя. Оно может вызвать удивление, заинтриговать или возмутить, но в любом случае не оставит равнодушным. Несомненно, таким образом Е. Г. Водолазкин имитирует древнерусский текст, отсылает к жанру жития из русской литературы того периода, когда пунктуационные знаки еще практически не использовались. Как отмечает Е. Н. Иваницкая, «в древнерусском тексте практически отсутствовала пунктуация, и вплоть до XVII века сохранялось слитное, без пробелов между словами, написание» [5, с. 177]. Конечно, автор не может воссоздать такую неудобную для современного читателя структуру полностью, но элементы, отсылающие к ней, в текст вводит.

И. В. Кузнецов и Н. В. Максимова связывают оригинальный прием подачи автором чужой речи с постнормой, характерной для эстетики постмодернизма, и отмечают, что «изобретательность в подаче чужой речи, представленная в „Лавре“, находится в русле новейших тенденций развития литературного языка» [13, с. 68]. В этом случае можно говорить о возвращении к истокам: графический прием, использованный автором с отсылкой к оформлению древнерусского текста, оценивается современными исследователями как инновационный.

Придавая чужой речи в романе необычное оформление, отсылающее к древнерусскому тексту, автор может сознательно столкнуть его с современной лексикой. Например: «*Знаю, что собираешься на небо, сказал с порога кельи старец Никандр. Но образ действий твой считаю, прости, экзотическим*» [3, с. 22]. Здесь не выделена с помощью соответствующих пунктуационных знаков реплика диалога, но при этом употреблено не вписывающееся в картину времени (действие происходит в XV в.) слово *экзотический*. Писателем создается некий временной парадокс, в формировании которого значимую роль играют синтаксис и пунктуация.

Авторские особенности пунктуационного оформления текста касаются в романе и других знаков препинания, в том числе восклицательного и вопросительного.

Всего 19 раз в тексте романа встречается восклицательный знак – наиболее актуальное в современном русском языке графическое средство выражения экспрессии. При этом восклицательный знак употреблен автором в случаях, когда эмоции персонажей наиболее сильны. Например:

Увидев по правому борту киевские горы, корабельщик Прокопий закричал:

Преподобнии печерстии, молитте Бога о нас! [3, с. 263].

Встречается он, кроме того, при передаче громкого крика: «*Вы слышали меня, крикнул капитан еще раз на ходу, всякий поднимающий – будет казнен!*» [3, с. 324]. Но наиболее интересно использование восклицательного знака в репликах, которые переводят повествование в иную историческую эпоху. Например, восклицательный знак видим в выражении, относящемся к жаргону и вложенном автором в уста одного из персонажей, напоминающих современных «братков»: «*Теперь он сидит и думает, что я его кинул, вот что херово. Вот что херово, я*

говорю!» [3, с. 157]. То есть пунктуационный знак становится одним из средств временного смещения и смещения в романе.

В тексте встречаются множество предложений, являющихся восклицательными по своей экспрессивной окраске, но восклицательным знаком не выделенных. Это во многих случаях эмоциональные восклицания в структуре диалога и внутренней речи: *«Так сколь же разнообразен мир, думал Арсений»* [3, с. 148], *«Грози, говнюк, грози, прокричал юродивый Фома без злобы»* [3, с. 178].

Вопросительный знак встречается в тексте романа чаще, чем восклицательный, однако находим множество реплик диалога, в которые он не вписан, хотя предложения являются вопросительными по цели высказывания. Например:

Что ты хочешь прочесть в моих глазах, спросил старец.

То ты и сам, отче, ведаеши [3, с. 54].

Отсутствие восклицательных и вопросительных знаков также соотносится с графикой и пунктуацией древнерусского текста, в котором отсутствие знаков препинания приводило к тому, что «мы не можем судить об интонации» [5, с. 182]. Это отсутствие должно, казалось бы, снижать эмоциональный градус повествования, делать его интонацию более ровной и спокойной, а звучащий в голове у читателя голос повествователя – бесстрастным. Однако Е. Г. Водолазкин добивается прямо противоположного эффекта. Эмоции представлены в тексте, как звук в сильно натянутой, готовой в любой момент пронзительно зазвенеть струне. Отсутствие пунктуационно-графических средств выражения эмоций способствует повышению эмоционального градуса текста. Кроме того, это отсутствие наделяет читателя большей самостоятельностью, дает ему больше прав. Именно читатель должен оценить, элементом чего является реплика – диалога или повествования. Именно читатель должен решить, является ли предложение вопросительным и с какой интонацией его следует произносить.

Итак, синтаксис романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» оказывается не менее интересным и значимым средством формирования текста, чем лексические единицы, он принимает участие в реализации творческого замысла писателя, выполнении его художественных интенций. При этом на уровне синтаксиса творческая концепция получает свое окончательное оформление, а синтаксис становится пусть и не таким заметным на первый взгляд, но очень важным конституентом оригинального авторского стиля.

Синтаксический строй соотносится с замыслом писателя о создании романа, в котором смешаны и смещены временные планы. Различные временные пласты в романе в духе эстетики постмодерна расположены нелинейно; время циклично, герои и события могут вновь и вновь пересекаться, сопологаться и расходиться. Эта оригинальная темпоральная концепция отразилась на синтаксическом строе произведения. Основное, главное время повествования относится к эпохе Древней Руси, и автором выбираются соответствующие синтаксические конструкции – короткие предложения с обилием личных и притяжательных местоимений в качестве средств связи, отсутствие вопросительных и восклицательных знаков и пунктуационно-графических элементов оформления прямой речи и диалога. Как только временной план смещается, и на страницы романа врывается стихия иного времени (современный блатной жаргон, советский канцелярит, научная лексика и др.), синтаксис трансформируется и начинает выполнять роль формирующего средства для текста соответствующего временного пласта.

Восприятие текста романа «Лавр» создает впечатление, что автор сознательно «смирняет» экспрессию, которую обычно придает тексту синтаксис. Недлинные предложения, многие из

которых однотипно построены, способствуют выравниванию интонации; той же цели служит и отсутствие во многих предложениях необходимых в соответствии с их строением восклицательных и вопросительных знаков. Реплики персонажей оформлены как повествовательные единицы. Синтаксическая неоформленность заставляет адресата текста читать его более медленно, что лишает повествование динамики, опять же способствуя снижению уровня экспрессивности. Однако Е. Г. Водолазкин достигает противоположного результата: экспрессивность текста только увеличивается, а то, что для ее выражения применено немного внешних атрибутов и она заложена в само содержание текста, делает воздействие романа на чувства читателя еще более сильным.

Подход Е. Г. Водолазкина к синтаксическому строю романа «Лавр» можно назвать новаторским. Синтаксис прекрасно продуман писателем, как и все другие языковые элементы текста, и сознательно использован им в качестве одного из инструментов достижения своего художественного замысла. Применение средств синтаксиса выверено писателем по построенной им постмодернистской концепции романа, с учетом смещения в нем временных пластов и трансформации категории экспрессивности.

Литература

1. Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Торосян А. С. Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Водолазкина «Лавр» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2021. №1. С. 78–87. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-78-87.
2. Бердникова О. А., Голицына Т. Н. Иеротопия в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии «Таинство слова и образа». М.: Моск. дух. академия, 2019. С. 243–253.
3. Водолазкин Е. Г. *Лавр: роман*. М.: АСТ, 2020. 440 с.
4. Гумовская Г. Н. Функциональный сбой синтаксического ритма как средство актуализации эстетических намерений автора // *Преподаватель XXI век*. 2017. №3-2. С. 364–373.
5. Иваницкая Е. Н. *Историческая грамматика русского языка*. М.: Директ-Медиа, 2021. 192 с.
6. Калдыбекова Ж. А. Художественное время в романе Е. Водолазкина «Лавр» // *Наука и современность*. 2015. №37-1. С. 103–107.
7. Калинина Н. В. Интертекстуальное пространство романа Е. Г. Водолазкина «Лавр» // *Язык как материал словесности: XXIII Международные научные чтения*. Казань: Бук, 2020. С. 126–135.
8. Калинина Н. В. Смешение разностилевых элементов языка как средство характеристики персонажа (по роману Е. Г. Водолазкина «Лавр») // *Актуальные проблемы филологии XXI века: Мат-лы Второй Всероссийской научно-практической конференции*. Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 35–39.
9. Котова А. П. Образ юродивого в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр»: литературная традиция и трансформация // *Культурные коды русской литературы: Мат-лы Всероссийской (с международным участием) очно-заочной научно-практической конференции*. Уфа: БГУ, 2017. С. 229–238.
10. Кочетова С. А. Имена героя в романе Е. Водолазкина «Лавр» // XIII Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения: Мат-лы конференции / Гл. ред. А. В. Петров. Симферополь: КФУ, 2019. С. 102–107.
11. Кривошапова Н. В. Топонимы в романах Е. Г. Водолазкина как источник лингвокультурной информации // *Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: Сб. ст. Международной научно-практической конференции* / Под ред. В. М. Шаклеина. М.: РУДН, 2019. С. 374–381.
12. Крылова М. Н. Синтаксическая стилистика прозы Б. Акунина // *Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: Мат-лы международной научно-практической конференции*. Вологда: Маркер, 2016. С. 145–146.
13. Кузнецов И. В., Максимова Н. В. Речевые автономии текста: обретение и утрата маркирования // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021. №2(101). С. 59–70.
14. Лобанова Е. И., Суворова Н. В. Вербализация концепта «дерево» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. №1. С. 22–27. DOI: 10.46726/И.2021.1.4.

15. Маглий А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. **2015**. №1. С. 177–186.
16. Мастепак Т. Г. Прием скрытого экфрасиса в финале романа Е. Водолазкина «Лавр» // *Интертекстуальность художественного дискурса: Мат-лы Всероссийской научной конференции / Под ред. Е. Е. Завьяловой*. Астрахань, АГУ, **2018**. С. 227–230.
17. Попова Т. Г., Мальчивецкая Ю. В. Фитонимическая лексика в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // *Русская речь*. **2017**. №5. С. 41–48.
18. Сысуева Д. Д., Олехнович О. Г. Медицинская лексика в романе Е. Водолазкина «Лавр» // *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Мат-лы IV Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: УГМУ, **2019**. С. 311–314.
19. Шуринова Н. С. «Мертвый язык» как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // *Новое прошлое/The New Past*. **2016**. №4. С. 99–110. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-99-110.
20. Assadi J. A., Hamad M. The Use of Artistic Devices to Forward Female Oppression in Selected Short Stories by Muhammad 'Ali Saeid // *SAGE Open*. **2014**. Vol. 4. No. 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244014531768>.

Поступила в редакцию 09.11.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.1.3

Features of the syntactic organization of the text of the novel “Laurus” by E. Vodolazkin

© A. A. Elatik

*Ain Shams University
Abbasiya Square, Khalifa El-Maamon Street, 11566 Cairo, Egypt.*

Email: ahmed_atik@alsun.asu.edu.eg

The article is devoted to the study of the syntactic structure of the novel “Lavr” by E. G. Vodolazkin and the identification of the role of the syntactic organization of the text as an element of the author’s achievement of his artistic conception. It was revealed that the syntactic structure of the novel is closely related to the concept of time, built in the work by the writer. E. G. Vodolazkin uses the method of displacement of temporary layers, and the syntactic organization of the text is one of the tools with which this method is implemented. If the narration goes in the Old Russian time layer, then the syntax is characterized by simplicity, sentences are short, simple, or two-component complex, the main means of connecting sentences in the text are personal and possessive pronouns and compositional conjunctions. Punctuation-graphic design also corresponds to the author’s intention: dialogue and direct speech are not highlighted in the text, exclamation and question marks, quotation marks are practically not used. If there is a shift in temporary layers, then the syntax and punctuation-graphic design of the text are transformed: they become modern or close to modern. In addition, the syntactic organization of the text of the novel “Laurus” is important for the implementation of the category of expressiveness in it. The syntactic and punctuation-graphic techniques used by the author serve to externally reduce expression, to deliberately “humble” or “diminish”, but it goes into the inner plane. The author achieves the opposite effect: the text begins to sound more expressive. A large role in the perception of such a text is assigned to the reader, whose independence, and therefore perception awareness, increases. The conclusion is made about the innovative nature of the syntactic structure of the novel “Laurus” and about its significant role as a means of achieving by the author his artistic conception.

Keywords: syntax, syntactic organization, expressive syntax, parceling, dialogue, direct speech, novel “Lavr”, Evgeny Vodolazkin.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Elatik A. A. Features of the syntactic organization of the text of the novel “Laurus” by E. Vodolazkin // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 1. Pp. 35–46.

References

1. Aleshina L. N., Zaitseva I. A., Torosyan A. S. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2021. No. 1. Pp. 78–87. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-1-78-87.
2. Berdnikova O. A., Golitsyna T. N. *Sbornik materialov nauchno-bogoslovskoi konferentsii kafedry filologii Moskovskoi dukhovnoi akademii «Tainstvo slova i obraza»*. Moscow: Mosk. dukh. akademiya, 2019. Pp. 243–253.
3. Vodolazkin E. G. *Lavr: roman [Laurus: novel]*. Moscow: AST, 2020.
4. Gumovskaya G. N. *Prepodavatel' XXI vek*. 2017. No. 3-2. Pp. 364–373.
5. Ivanitskaya E. N. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]*. Moscow: Direkt-Media, 2021.

6. Kaldybekova Zh. A. *Nauka i sovremennost'*. **2015**. No. 37-1. Pp. 103–107.
7. Kalinina N. V. *Yazyk kak material slovesnosti: XXIII Mezhdunarodnye nauchnye chteniya*. Kazan': Buk, **2020**. Pp. 126–135.
8. Kalinina N. V. *Aktual'nye problemy filologii XXI veka: Mat-ly Vtoroi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Naberezhnye Chelny: NGPU, 2018*. Pp. 35–39.
9. Kotova A. P. *Kul'turnye kody russkoi literatury: Mat-ly Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa: BGU, **2017**. Pp. 229–238.
10. Kochetova S. A. *XIII Krymskie Mezhdunarodnye Mikhailovskie literaturno-onomasticheskie chteniya: Mat-ly konferentsii*. Ed. A. V. Petrov. Simferopol': KFU, **2019**. Pp. 102–107.
11. Krivoshepova N. V. *Izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka v raznykh lingvokul'turnykh sredakh: Sb. st. Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. V. M. Shakleina. Moscow: RUDN, **2019**. Pp. 374–381.
12. Krylova M. N. *Nauka segodnya: fakty, tendentsii, prognozy: Mat-ly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vologda: Marker, **2016**. Pp. 145–146.
13. Kuznetsov I. V., Maksimova N. V. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. **2021**. No. 2(101). Pp. 59–70.
14. Lobanova E. I., Suvorova N. V. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. **2021**. No. 1. Pp. 22–27. DOI: 10.46726/N.2021.1.4.
15. Maglii A. D. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. **2015**. No. 1. Pp. 177–186.
16. Mastepak T. G. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo diskursa: Mat-ly Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ed. E. E. Zav'yalovoi. Astrakhan', AGU, **2018**. Pp. 227–230.
17. Popova T. G. *Russkaya rech'*. **2017**. No. 5. Pp. 41–48.
18. Sysueva D. D., Olekhovich O. G. *Aktual'nye voprosy sovremennoi meditsinskoi nauki i zdravookhraneniya: Mat-ly IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg: UGMU, **2019**. Pp. 311–314.
19. Shurinova N. S. *Novoe proshloe/The New Past*. **2016**. No. 4. Pp. 99–110. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-99-110.
20. Assadi J. A., Hamad M. *SAGE Open*. **2014**. Vol. 4. No. 2. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244014531768>.

Received 09.11.2021.